

Сергей Герасимов

Животное



Часть сборника
Фантастика 2002. Выпуск 3
(сборник)



Сергей Герасимов

Животное

«Автор»

2002

Герасимов С. В.

Животное / С. В. Герасимов — «Автор», 2002

«Я нашел его случайно. Просто проснулся от ночного кошмара, – преследование, пожар, кровь, стрелы, торчащие в спине, – проснулся, поднял занавеску, еще досматривая последние кадры сна, и увидел, что оно сидит снаружи, на подоконнике. Сидит и смотрит на меня с выражением доверчивого беспокойства...»

© Герасимов С. В., 2002

© Автор, 2002

Сергей Герасимов

Животное

Я нашел его случайно. Просто проснулся от ночного кошмара, – преследование, пожар, кровь, стрелы, торчащие в спине, – проснулся, поднял занавеску, еще досматривая последние кадры сна, и увидел, что оно сидит снаружи, на подоконнике. Сидит и смотрит на меня с выражением доверчивого беспокойства.

Этим оно меня сразу и покорило: оно не боялось встречи со мной, оно ждало меня, как будто знало меня давно. Оно было похоже на котенка, только на лысого и беззубого толстого котенка. При этом его вид был приятен, трудно сказать почему. Ростом оно было маленькое: я подставил ладонь и оно на нее вскарабкалось. Я сразу подумал, что это детеныш.

Я принес его в кухню и посадил на стол. При электрическом свете оно как-то съежилось; на коже появились морщинки. Налил молочка в блюдце. Оно выпило, подняло мордочку и запищало. Я налил еще и оно выпило еще.

Вскарабкалось на мою руку, цепляясь коготками за рукав, свернулось, закрыло глазки и сразу уснуло. Все оно было серым и только коготки – яркого морковного цвета; коготки у него, кажется, втягивались.

В этот день я поил его молоком, пока молоко оставалось, а вечером дал печенье. Печенье ему понравилось, но я боялся навредить и потому дал немножко. Я же не знал, чем таких кормят. Да и никто этого не знал. Ночью я нашел его на своей подушке. Оно приползло ко мне и прижалось к щеке, радостно попискивая. До самого утра я спал плохо, потому что боялся, что задавлю его каким-нибудь неосторожным движением.

Уже на следующий день я заметил в нем необычные способности к имитации. В шесть утра с небольшим, когда начало говорить радио, я вышел на кухню и увидел его сидящим на табуретке и внимательно слушающим. Мне показалось, что оно пытается повторять звуки, как попугайчик. Забавно было бы научить его произносить несколько слов, подумал я и отложил это до вечера.

За следующую неделю оно почти не подросло, зато научилось сносно повторять десяток слов и даже употреблять их самостоятельно. Голос его, неожиданно для такого маленького существа, оказался низким, вибрирующим и густым, более низким, чем вообще мог бы быть человеческий голос; шел этот голос как-то из груди, а не изо рта, и уже с расстояния двух-трех метров не был слышен. Наверное потому, что оно только имитировало человеческую речь и пользовалось для этого не привычными голосовыми связками, а еще чем-то, не знаю чем.

Вскоре я заметил, что оно любопытное. Оно совало свой носик во все: когда я читал или сидел за компьютером, он пристраивалось рядом – но не рядом со мной, а рядом с книгой или экраном, и добросовестно пыталось понять, чем я занимаюсь.

Оно продолжало слушать радио и вскоре научилось высвистывать более или менее узнаваемые мелодии – из тех, что крутили часто. Я живу один и потому иногда говорил с ним как с человеком, подобно тому, как это делают одинокие старые девы со своими невзрачными собачонками – но не потому что считал его человеком или хотя бы понимающим собеседником, а потому, что он помогал мне, когда я говорил сам с собой, обсуждая тот или иной сложный вопрос. А вопросов таких было немало. Однажды я попросил его принести спички и оно принесло.

Я взял его мордочку в свои ладони и посмотрел в эти милые отзывчивые глазки. Но не только милые – было в этих глазах и что-то такое, что не позволяло смотреть долго. Какая-то тень, полумрак, мягкий тон невыразимого – подобный тени моих ночных кошмаров – не такой страшный, но столь же иррациональный, неотвязный, непреодолимый, как и они.

– Нет, так не бывает, – сказал я и отпустил его. Оно побежало скакать по комнате. В последние дни оно стало довольно ловким и игривым.

Несколько дней спустя я увидел его висящим на занавеске и глядящим в окно.

Оно любило лазить по занавескам. За окном сгустились сумерки и шел густой и мелкий снег, клубящийся и несомый ветром, как пар, может быть, последний снег этой зимы. Он смотрел неподвижными, широко открытыми глазами, похожими на изумительно прорзрачные жидкие шарики и на его зрачках перетекали отражения автомобилей, движущихся в белой трехмерности улицы. Меня поразило выражение его глазок – оно было совершенно осмысленным.

– Что ты там видишь, малыш? – спросил я.

– Снег, – ответило оно и я почти не удивился.

– Ты умеешь говорить? – спросил я, но оно не ответило и я понял, что мешаю.

Оно думало о чем-то.

Но всю следующую неделю оно молчало и даже не произносило тех простых слов, которыми я научил его в самом начале. При этом оно прекрасно понимало меня.

Понимало не хуже человека или, по крайней мере, маленького ребенка. Я пытался поймать его на этом понимании. Я говорил, например:

– Посмотри на часы, что с ними?

И оно смотрело на часы. Правда, после нескольких таких опытов оно перестало реагировать, но я-то знал, что оно понимает меня, и пытался – пытался, пока ему это не надоело.

– Перестань, пожалуйста, – сказала оно, – перестань меня обманывать.

– Хорошо, – ответил я, – скажи, почему ты молчал.

– Я стесняюсь, – ответило оно.

– Но ты говоришь очень хорошо.

– Не очень. Но я научусь.

Со временем я привык к тому, что оно разговаривает. Я не задумывался о том, насколько высок уровень интеллекта этого существа, пока не произошло одно событие, о котором я собираюсь рассказать.

Все три моих стола завалены книгами и разным хламом, порой довольно неожиданным: всякими батарейками, сломанными карандашами, паяльниками, старыми ключами, какими-то тумблерами и вообще бог знает чем. При этом, все, что может лежать вверх ногами или дном, так и лежит. Поэтому мы пообедали на табуретках и сейчас мирно сидели, болтая о вещах совершенно абстрактных и к жизни не имеющих ни малейшего касательства. Я вышел в кухню за компотом. Животное сидело там; оно прислушивалось к радионовостям.

– Как тебе нравятся мои друзья? – спросил я, наливая из банки.

– Все трое молодцы. Но тот, который Боря, кажется, влюблен.

– К сожалению, – ответил я. – Она его не замечает. Он для нее только друг. Тут ничего не поделаешь; сердцу не прикажешь.

– Иногда можно приказать. Предложи сыграть в карты, – сказала оно.

– Зачем?

– Попробуй, сегодня это поможет.

Я попробовал. К моменту моего возвращения разговор уже достаточно усох и едва струился. Тогда я и предложил колоду карт. За окном шел дождь, по телевизору ничего, все выпито и съедено, говорить надоело. И мы стали играть в обыкновеннейшего пошлого дурака.

Свободного стола у меня не нашлось. Единственным подходящим предметом была широкая картонка, которая в свое время служила коробкой для монитора. Мы сели на табуретках и картонку положили на колени. Алена села рядом со мной и, чтобы картонка не упала, ей пришлось прижаться ко мне коленками. Это было не совсем то, чего я хотел, но я собирался понять, чем это кончится и как это кончится.

Мы начали играть и Денис сразу стал жульничать: в картах он жульничает просто невыносимо. Он жульничает не ради выгоды, а просто потому что иначе не может. Обман – это его стиль жизни, при этом он не желает никому зла и, если бы мы играли на деньги, он играл бы более-менее честно. Но просто так он честным быть не способен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.